

Пушкин в театральных креслах

Большой театр. — 1999 — 18 февр. (№ 5)

«Публика слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъятии душевных движений, дабы принять какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же — русского), и если в половине седьмого часа одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение».

Александр Пушкин.

Праздничный мир актеров, зрителей, танцовщиц, балетмейстеров и драматургов был близок юноше Пушкину. Его интересы, вкусы и увлечения ранней поры постоянно переплетались с прихотливыми судьбами этого пестрого и замкнутого круга. Принадлежа к определенной и, кажется, единственной тогда общественной группе «театралов», он усвоил характерные черты этой своеобразной касты.

Как характерно заключение пушкинского письма Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. (из Кишиинева): «Что Всеволожские, что Мансуров, что Барков, что Соснищие, что Хмельницкий, что Катенин, что Шаховской, что Ежова, что гр. Пушкин, что Семеновы, что Завадовский, что весь театр?»

Уже царскосельская домашняя сцена Варфоломея Толстого приобщила Пушкина к театральным радостям. Крепостные актрисы знатного мецената раскрывали поэту-лицеисту увлекательную прелесть сценических воплощений Бомарше. Здесь он видел, вероятно, первую постановку «Севильского цирюльника». Неопытные исполнительницы комедийного и сказочного репертуара отразились на его ранних посланиях, где навсегда запечатлелся облик одной «Миловидной жрицы Талии...».

В ходе подготовки 2500-го номера нашей газеты, просматривая ее подшивки более чем за 60 лет, мы обнаружили много материалов, посвященных пушкинской теме. Нам показалось возможным и интересным в преддверии 200-летия со дня рождения поэта вновь вернуться к некоторым из этих публикаций, несущих на себе отпечаток своего времени и в той или иной мере отражающих место Пушкина в истории Большого театра.

Вывравшись из лица, поэт с головой погружается в этот прелестительный мир. Воспоминания театральных деятелей эпохи рисуют нам его в зрительном зале, в кругу Шаховского, Катенина, Гнедича, Колосовой, Соснищих, Каратыгиных. Мы видели, как шаловливо держал себя Саша Пушкин в ложе Колосовых, где он смешил окружающих своими резвыми выходками во время спектакля. Это была, видимо, его обычная манера в обществе театралов и актеров. П. Каратыгин передает аналогичный эпизод.

«Однажды мы в длинном фургоне (называемом линией, форма которой и теперь еще не исчезла) возвращались с репетиции. Тогда против Большого театра жил некто камер-юнкер Никита Всеволодович Всеволожский, которого Дембровский учил танцевать. Это было весною, кажется в 1818 году. Когда поровнялся наш фургон с окном, на котором тогда сидел Всеволожский и еще кто-то с плоским, приплюснутым носом, большими губами и смуглым лицом мулата, Дембровский высунулся из окна нашего фургона и начал им усердно кланяться. Мулат снял с себя парик, стал им мотать над своей головой и кричать что-то Дембровскому. Эта фарса нас всех рассмешила. Я спросил Дембровского: «Кто этот господин?» — и он отвечал мне, что

это сочинитель Пушкин, который тогда только что начинал входить в известность... Тут же Дембровский прибавил, что, после жестокой горячки, Пушкин выбрил голову и что-де на днях он написал на этот случай стихи, которые Дембровский прочел нам наизусть:

«Я ускользнул от Эскулапа...»

Часто Пушкин приходил в театр, как в клуб, и даже в клуб политический. Известен рассказ поэта Аркадия Родзянко о том, как Пушкин, сидя в театре, показывал находившимся подле него лицам портрет убийцы герцога Беррийского Лувеля с надписью «урок царям». Как известно, поэту пришлось дорого заплатить за эту смелую политическую демонстрацию.

Молодые актрисы постоянно встречались с Пушкиным в доме Шаховского. Одна из них оставила малоизвестное описание этих встреч с поэтом. «В доме Шаховского очень часто бывал Пушкин. По просьбе гостей он читал свои сочинения, между прочим несколько глав «Руслана и Людмилы», которые потом появились в печати совершенно в другом виде. Читал и другие отрывки и отдельные лирические пьесы, большею частью на память, почти всегда за ужином. Он всегда был весел, острит и хохотал с нами, когда мы смеялись над его длинными ногами. Нередко разрезывал кушанья и потчевал нас».

Так среди актеров, драматургов, дилетантов сцены, поэтов и театралов, тесно переплетаясь с этой пестрой, красочной, ярко мерцающей и вечно изменчивой жизнью кулис, протекала бурная пора юности Пушкина. Он жадно впитывал в себя эти разнообразные впечатления, идущие от рамп и кресел и незаметно образующие его вкусы, эстетические воззрения, творческие замыслы.

«Советский артист», 1937, № 9, 4 марта.